
В.А. Ковалёв

**НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА?
ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ
К ИЗМЕНЕНИЮ ОСНОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Статья 2-я)***

Аннотация. Революция рассматривается как разрушение прежнего государства (аппарата управления и легитимного насилия), произведенного внутренними силами. Политический переворот ведет к трансформации политического режима. Случай России анализируется как пример «несостоявшейся» революции, возможности нового распада государства в процессе глобальных технологических и социальных трансформаций.

Ключевые слова: Русская революция, политический режим, кризис, «несостоявшаяся» революция, национализм, информационная революция, роботы, социальная поляризация, безусловный базовый доход.

**Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук,
профессор кафедры политологии и международных отношений
Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.**

**V.A. Kovalev. The Revolution Never Ends? From Political Coups
to Changing the Bases of Civilization (Article 2)**

Abstract. The revolution is regarded as the destruction of the former state (administrative apparatus and legitimate violence) created by internal forces. A political coup leads to the transformation of political regime. The revolution in Russia is presented as an example of a «failed» revolution, the possibility of the new state collapse during the process of global technological and social transformations.

Keywords: The Russian revolution, political regime, the crisis, «failed» revolution, nationalism, information revolution, robots, social polarization, total basic income.

**Kovalev Viktor Antonovich – Doctor of Political sciences,
Professor of the Department of Political sciences
and International Relations of Peterim Sorokin
Syktyvkar State University.**

* См.: Ковалёв В.А. Есть у революции начало? // Россия и современный мир. – М., 2017. – № 1. – С. 21–34.

Расширение революции

Обсуждение революционной тематики в нашей стране в год 100-летия «Октября» будет муссироваться с особой силой. Однако еще недавно тема революции в качестве предмета исследования и преподавания не была популярна. Так, в ряде учебников по политологии, написанных в два предыдущих десятилетия в русле «парадигмы освоения» (западных знаний) разделы, главы и параграфы, посвященные революции вообще отсутствовали. Отторжение советского опыта восхваления «Великой октябрьской» было весьма сильным. К тому же изучение такой темы отчасти табуировалось: угрозы революции как будто подвергались магическому «заговору».

О революции (нашей) и революциях как общей проблеме несравненно больше пишут историки. Что же касается макросоциологических штудий, особенно по перспективам революций, то сейчас они в России не слишком популярны. «Несмотря на переводы классических макросоциологических трудов П. Сорокина, Н. Элиаса, Н. Лумана, К. Поланьи, Й. Шумпетера, новых превосходных книг В. Макнила, Ч. Тилли, И. Валлерстайна, Р. Коллинза, Дж. Арриги, Д. Норта и др., отечественные социологи за редчайшим исключением остаются равнодушными к анализу крупных социальных процессов, даже не считают такие исследования “подлинно научной социологией”», – пишет в послесловии к переводу трудов современного американского автора Николай Розов [16, с. 441].

В постсоветский период наблюдалось и наблюдается (на волне отторжения от «научного коммунизма» и «исторического материализма») известное пренебрежение к научным исследованиям макрополитических проблем, что сопровождалось махровым цветением всякого рода «конспирологической геополитики» и глобальными обобщениями доморощенных гуру – специалистов во всех областях, выполняющих пропагандистские заказы власти.

Кроме того, общество испытывало (и продолжает испытывать) серьезный шок от распада СССР и изменения во всех сферах жизни. «Перестройку» и ее последствия тоже стали оценивать как революцию или «смутокризис», чреватый новыми хаотичными продолжениями. Как пишет В. Булдаков: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещенных людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малоприятным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения» [1, с. 19].

Часто более полному и глубокому пониманию проблемы мешают цеховые разграничения между исследователями. Р. Коллинз пишет об «академической балканизации»: «Странный эффект академической “балканизации” –

расхождения между исследовательской работой в политической науке и исторической социологии. Эти дисциплинарные лагеря действуют на одной и той же территории, но с различными концептуальными орудиями и различными интересами» [16, с. 33]. Затруднения в понимании феномена революций отчасти связаны именно с междисциплинарными подходами, когда историки, исторические социологи или политологи по-разному определяют эту проблематику. Так, многие современные революции можно описывать, скажем, в рамках «транзитологии», т.е. перехода от авторитарных к демократическим режимам [31]. Политологи, изучая опыт разнообразных трансформаций, могут выделять революцию лишь как одну из моделей переходов, наряду с консервативной реформой, пактом, реформой снизу и навязанным переходом. При этом революция (социальная революция) будет характеризоваться как «смена режима при использовании силовых стратегий правящей элитой прежнего режима и контрэлитой (конфронтация) в условиях мобилизации масс» [24, с. 39].

Работ, посвященных революционной тематике, довольно много. Жаль только, что зачастую они написаны преимущественно в русле стерильных академических штудий, и собственный интерес эпохи (нашей!) присутствует в них в минимальном объеме. Между академическими интересами и актуальной общественно-политической повесткой дня тогда наблюдается серьезный разрыв. В научных журналах пишется о сложностях и противоречиях изучения революции, исследователи констатируют слабости и противоречия в изучении революционного феномена [22]. При этом и в определении, и в подходах к революции единства среди исследователей нет и быть не может. Сразу отметим, что в зависимости от целей исследования всячески поддерживаем методологический плюрализм, признаем методологический плюрализм, но когда речь идет о политической революции, выбираем дефиницию Джека Голдстоуна: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [6, с. 15]. Добавлю также, что *понимаю революцию как разрушение прежнего государства (как аппарата управления и легитимного насилия), произведенного внутренними силами*. То есть политический порядок рушится и распадается не в итоге, скажем, внешней интервенции, а под влиянием, прежде всего, внутренних противоречий, хотя граница здесь подвижна, и иностранное вмешательство во внутренний суверенитет – это, скорее, правило, чем исключение. Такой политический переворот может вести к трансформации политического режима (например, к демократизации), сопровождаться глубокими социально-экономическими преобразованиями («революционными реформами») или являться выражением более глубинных, фундаментальных изменений (например, в процессе пере-

хода от аграрного, традиционного к индустриальному обществу модерна). Разной в понимании революции связан как раз с тем, что речь идет о различной «глубине» этих революционных преобразований как следствии глубины кризиса, им предшествующего.

Но если бы вопрос стоял только в теоретической плоскости, то это еще полбеды. Ведь опасность новой революции в нашей стране ощущается многими и как актуальная угроза.

При этом в массовом сознании царит дикий разницей по отношению к революции, с самыми полярными оценками. В нынешней России наблюдается стремление вытеснить актуальную проблематику (революция – это только один пример) и не «грузиться». Тактика «вытеснения» хорошо работает до поры до времени для сохранения спокойствия индивидов и целых поколений, но потом снова «клюет жареный петух» и начинаются стенания о новом «неожиданном» кризисе, сопровождающем очередную «геополитическую катастрофу». Популярные авторы из политических или публицистических соображений задаются, например, вопросом о неизбежности «оранжево-зеленой» революции в РФ [7]. Шаткость этих и подобных прогнозов то, что они не сбываются, не мешает вновь и вновь повторять нечто подобное [25].

Травмирующий опыт неудачных революций

Часто создается впечатление, будто современная Россия забыла о своем настоящем и будущем и постоянно смотрит назад – в свое драматическое прошлое. Если это и преувеличение, то не слишком сильное: и люди, и общества «живут прошлым», если оставили там нечто очень важное и / или не решили в свое время какую-то чрезвычайно значимую для них проблему. Проблематика революции, на наш взгляд, имеет здесь огромное значение.

Революции начала и конца XX столетия кардинально перевернули историю нашей страны, но в смысле планируемых и ожидаемых результатов – обманули ожидания большинства. Общество и страна, неоднократно «обжигаясь» на революциях и перестройках, которые, в силу тех или иных обстоятельств, превращались в Смуты, просто боится решительных шагов, полагая по печальному опыту прошлого, что после них будет только хуже. Сила «контрреволюции» в сегодняшней России – в негативном опыте как историческом – сведения о жертвах и последствиях «Октября», мучениях людей в стране-концлагере, так и непосредственном вовлечения масс в процесс – во времена смуткризиса «катастрофки», которые потом за это жестоко расплачиваются. Население России, так и не сложившаяся «политическая нация», до сих пор фактически лишено возможности влияния на политический курс, и даже практически не стремится к этому (яркий сегодняшний пример – вялая реакция на вмешательство в войну в Сирии).

Российская революция не просто не удалась, но даже и «не состоялась», если говорить о появлении в России «нации-государства» с «буржуазной демократией». Применительно к отечественной истории можно говорить о травмирующем опыте этих постоянных неудач, и здесь исторические сравнения с другими странами не прибавляют оптимизма, а служат, скорее, причиной деморализации. «Под конец Первой мировой войны, – пишет американский политолог, – все государства в Европе свергли абсолютные монархии, и все, кроме России, превратились в парламентские конституционные режимы» [6, с. 101]. Голдстоуна можно упрекнуть в неточности, да и на практике в ряде стран парламентаризм быстро сменился диктатурой, но судьба российской буржуазно-демократической революции действительно была наиболее печальной. Несколько попыток так и не привели к достижениям в политико-правовой плоскости. Макс Вебер писал о *псевдоконституционализме* в России, и в 1917 г. он же увидел в февральском режиме «*псевдодемократию*» [5]. Наверное, знаменитый социолог и век спустя мог бы написать о России нечто подобное. Результат русской Смуты («катастрофки») конца прошлого века известен, так же как и революционные итоги событий начала века. Октябрь 1917 г. был одновременно и государственным переворотом, и социальной революцией. Содержание этих событий было ультрареволюционным: «Большевики отняли власть не только у буржуазии, но у общества как такового» [20, с. 316]. И до сих пор обществу вернуть себе власть не удается.

С точки зрения итогов революционных движений трудно провести, казалось бы, очевидные параллели между Великой русской и Великой французской революциями, несмотря на их очевидное сходство. Как пишет академик Ю.С. Пивоваров: «Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего... Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило. Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции звучит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот “локомотив” лишал нас не только настоящего, но и прошлого» [23, с. 73].

Все эти вопросы являются предметом масштабных исследований и бесконечных споров. На наш взгляд, важным здесь является то, что если исходить из представлений об историческом развитии, то «великие революции», скорее всего, попадают *мимо цели*, причем с огромным «перелётом». Довлеющая до сих пор над отечественным обществоведением истматовская схема «общественно-экономических формаций» продолжает серьезно

вводить в заблуждение. Никакого «перехода к социализму», как более прогрессивному строю, в истории не наблюдалось и не наблюдается. Сталинизм и маоизм – это разновидности тоталитаризма. «Коммунистическая формация» – это исторический тупик, в который иногда приходится бросаться отсталым и (полу)периферийным странам, в надежде на быстрый прогресс.

В революциях, которые происходили в этих странах, главной социальной силой был отнюдь не пролетариат (по марксистской догме), а крестьянство. В исторической социологии для более адекватного представления о великих революциях в Китае и России марксистская теория революции подверглась значительной ревизии. Главная заслуга в этом принадлежит Тедэ Скокпол. Основательница структурного подхода Т. Скокпол, ученица С. Липсета, многое позаимствовала из марксистской теории, пересмотрев ее по ключевым вопросам понимания государства и оценки роли крестьянского фактора в революции [22, с. 98]. На роль крестьянского фактора обращал внимание в своем классическом труде и другой учитель Теды Скокпол Баррингтон Мур [21].

Глубокие исторические корни питают успех нынешней пропаганды опасности «цветных» переворотов и массовое нежелание повторить опыт «демократизирующей революции» в РФ. Ведь если на смену одному диктатору приходит другой, одну криминальную «элитку» теснит другая, а социальные отношения и структуры трансформируются разве что в сторону дальнейшей архаизации, то можно ли это считать «революцией»?

Даже кардинальная смена политических элит, если она не сопровождается возникновением и развитием в стране политической нации, в долгосрочной перспективе не приводит это государство к прочному стратегическому успеху, а заставляет обслуживать цели и потребности других стран, где национальный интерес вполне осознан и элиты способны его реализовать. В современном мире государство без сложившейся политической нации, даже при видимой мощи и некоторых успехах, обречено на долгий путь без цели.

«Несостоявшаяся революция» в России и распад государства

Несколько лет назад в РФ вышла книга Валерия и Татьяны Соловей «Несостоявшаяся революция» [26]. Речь в ней шла о том, что русскому этносу так и не удалось совершить свою Национальную революцию, а русскому национализму превратить Россию в современное национальное государство. Такой подход вызвал сильнейшее неприятие, хотя частично и получил одобрение [10]. Здесь не место возвращаться к проблемам русского национализма, отошлем читателя к очерку о невыполненной задаче создания русского

национального государства и неудавшемся опыте русского нацистроительства [12, с. 120–163].

Определение «несостоявшаяся революция» удачно говорит о нынешнем российском положении, когда травмирующий опыт прошлого закрывает дорогу к будущему. Естественно ожидать, что в ряде случаев острая общественная необходимость освобождения от элит, ведущих страну в пропасть, реализуется в революционной форме. Ну, а если не реализуется, и революция не происходит (не в силу отсутствия объективных предпосылок, а по субъективным причинам), то тогда социум скорее всего ждет гниение и (само)распад. Тогда, по словам Д. Голдстоуна, «повальная коррупция продолжает ослаблять экономику и подрывает легитимность власти» [6, с. 160–161].

Вследствие несостоявшейся революции не везет выжившим потомкам. Вековое пребывание в ненормальных, страшных и абсурдных – «перевернутых» обстоятельствах жизни не может и не могло пройти бесследно. Наследники, спасшихся в череде революционных, военных и последующих катастроф, настолько адаптируются к «постреволюционным» обстоятельствам, что в большинстве не хотят их менять. Они боятся любых серьезных изменений (научены горьким опытом!) и просто существуют, не видя реалий настоящего, закрывшись от будущего и спрятавшись от прошлого. По-видимому, до той поры, пока «неожиданно» не налетит новая Смута.

В этом отношении актуальным выглядит опыт «перестройки», закончившейся распадом СССР и дальнейшими смутными временами, которые, в зависимости от вкусов и целей, можно определить и как «революцию», и как неудавшуюся попытку демократизации или как-либо еще. Здесь хотелось бы обратить внимание на существующую версию распада СССР как следствие геополитики. Р. Коллинз полагал, что «государственный распад и ускоряющийся кризис легитимности развертывались в соответствии с геополитической теорией» [15, с. 255].

Уроки этого сбывшегося прогноза достойны самого тщательного изучения (увы, среди обществоведов в РФ, даже специально пишущих о событии, которое руководителем страны было определено как «геополитическая катастрофа», этого пока не слишком заметно). СССР надорвался от чрезмерного расширения и геополитического перенапряжения. Но в Советском Союзе любой трезвомыслящий и ответственный председатель колхоза предпочел бы заасфальтированную дорогу к его деревне, чтобы она не превратилась в «неперспективную» деревню, а не «политику партии» с разбрасыванием миллиардов на Кубе, в Индокитае, Египте, Анголе, Афганистане и пр. Однако вожди СССР, эти коммунистические милитократы, решали по-другому и ввязывались в одну внешнеполитическую авантюру за другой. Великий

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

гражданин Александр Солженицын неоднократно призывал к сбережению народа и отказу от вмешательства в чужие дела, но тоже не был услышан.

Весьма вероятно, что геополитическое напряжение как фактор революции достигается очень быстро в силу особенностей (псевдо)имперского курса, когда «политика просто подменяется геополитикой... И здесь помогают вездесущие “враги”. Так или иначе, империя создает внутреннее психическое напряжение или просто вырабатывает у своих подданных ощущение перманентного покушения на свое “величие”. Без этого она, в сущности, не может существовать» [1, с. 30].

Неоимперские соблазны, подчас в откровенно карикатурном виде, создает именно «несостоявшаяся революция», когда «народ», так и не ставший политической нацией, падок на геополитическую пропаганду и готов в любой глупости видеть «величие».

Препятствием для этой «беспомощной глупости» мог бы явиться «нормальный национализм» [11], но национальная революция (как неотъемлемая часть «буржуазно-демократической») в России также не состоялась.

О необходимости национализма писал, например, Питирим Сорокин: «Вместо интернационализма, превратившего нашу страну в место охоты для искателей приключений из всех стран, возрождается и будет культивироваться будущим поколением национализм, понимаемый не как враждебность к другим странам, а как стремление принести благо своему отечеству» [27, с. 212]. На появление этих *ценных признаний*, до которых дошел в начале 1920-х годов русский интеллигент, несомненно, повлияли события той поры и торжество «Интернационала» в «красном Петрограде»: «В течение трех дней интернациональные отряды – латыши, башкиры, венгры, татары, русские и евреи, – служившие в частях особого назначения, обезумевшие и распоясавшиеся от крови, похоти и алкоголя, убивали и насиловали жителей города. Мужчины, женщины, дети, молодые и старики, сильные и слабые – все они в равной степени испытывали чудовищные муки, прежде чем смерть избавила их от них» [27, с. 209]. Социолог и эмигрант Сорокин в своих описаниях этих событий просто фиксировал факты – очевидные и вопиющие¹.

«Злосчастность» российской истории, о которой писал Р. Коллинз [16, с. 99], к сожалению, имеет много шансов на продолжение. К числу наиболее актуальных и возможных опасностей можно отнести продолжение распада единого государственного пространства (утрата монополии на легитимное насилие на территории государства, что уже происходит де-факто на Север-

1. О теории революции П. Сорокина подробнее в статье, опубликованной в 2009 г. [9].

ном Кавказе и / или реализуется в форме «дани» из федерального бюджета в обмен на сдерживание террористических вылазок).

По мере нарастания видимого политического и экономического неуспеха центральной власти всё сильнее растет окраинный этнонационализм. Когда Империя сильна, большинство хочет быть «римлянами». Но стоит «Риму» ослабеть и начать терять свои позиции, как процесс распада тут же получает ускорение. Бывшие сателлиты и союзники предают, «братья» забывают о родстве и начинают искать свои родовые корни, выдумываются и конструируются местные истории, реконструируются наречия и языки, выстраивается мифология, для оправдания сепаратизма и этнических чисток бывших «старших братьев» начинают обвинять во всех бедах. Этот процесс выглядит совершенно закономерным и никакому Риму – даже Четвертому – его не избежать.

Уроки (меж)этнического хаоса в ходе революции 1917 г. и начавшейся гражданской войны [2, с. 99], а также роль этнических конфликтов в ходе советского коллапса это ясно показывают: «Внутри самого Советского Союза движения, которые вели к формальному распаду, мобилизовались еще легче, потому что союзные республики были уже организованы как номинально суверенные этнические группы» [15, с. 255]. Привет от «ленинской национальной политики», оставившей эти мины на территории государства.

В отсутствии единой «нации-государства» и подавлении национальных чувств большинства населения страны решение задачи «национализации элит» фактически невозможно. Вспомним ехидный вопрос З. Бжезинского: «Чьи это элиты»? Если миллиардеры из списка «Форбс» нажили свое состояние на успешном грабеже разоренных предприятий, нефтепромыслов и рудников в пользу зарубежных компаний, то это лишает смысла «антибуржуазную революцию» в рамках одной страны. Здесь наблюдается многопорядковое неравенство сил между глобальным капиталом и транснациональными корпорациями, с одной стороны, и местным движением протеста «униженных и оскорбленных» – с другой. Поэтому, безусловно, правы сторонники мир-системного анализа, которые рассматривают капитализм именно как мировую систему. Ирония в том, что аргументы против нового издания «социалистической революции» можно найти именно в мир-системной теории марксистствующего макросоциолога И. Валлерстайна [3]. В «ядре» концентрируются сила, богатство и интеллект, т.е. основные источники Власти, что не оставляет периферии никаких шансов.

Технологии и выход за пределы политики: Великие революционные изменения на подходе

Итак, революционные политические изменения представляются в обозримой перспективе малореальными или даже вовсе нежелательными. Негативный опыт прошлого находит выражение в распространенной фразе «лимит революции мы исчерпали». Однако поиск альтернатив этим не исчерпывается. То, что не состоялось в истории, может определить будущее. Эрик Лахман пишет о нереализованных возможностях прошлого как способе посмотреть на будущее: «Контрфактический анализ может быть использован для взвешенных предсказаний о будущем изменении и для конкретизации того, как возможные в будущем события (такие как увеличение численности населения, глобальное потепление, *технологические инновации* (курсив мой. – В. К.) или перемены глобальной власти) *скажутся на государствах*, социальных движениях, культуре, семье и гендере. Другими словами, историко-социологический анализ может быть обращен к изучению будущего... Как бы то ни было, неустранимой частью ремесла историка (и исторического социолога) является мышление о нереализованных возможностях» [19, с. 200].

Пока же, говоря о шансах революций, нельзя, конечно, игнорировать и социальные силы контрреволюции. А они состоят не только в единстве элитных группировок и готовности «держиморд» разгонять протесты, но и в господствующем общественном настрое. Напомним снова о различной «глубине» революционных преобразований. Т. Скокпол обоснованно проводит различия между «социальными революциями», в которых наблюдаются «совпадение структурных изменений общества с классовыми волнениями и совпадение политической трансформации с социальной и политическими революциями», в которых трансформируются государственные, но не социальные структуры. Есть также восстания, в которых подчиненные классы бунтуют, но которые даже в случае успеха не приводят к структурным изменениям [32, с. 4].

Смысл марксистской схемы в том, что революции экономически «вызревают», а за политической революцией должны идти какие-то важные структурные изменения и возможность их осуществить (истматовское «противоречие между производительными силами и производственными отношениями» и т.п.). Но вряд ли революции нового поколения в наше время готовятся в стремлении к «освобождению труда», «борьбы трудящихся за свои права» и т.п. Наоборот, ныне это скрытое противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» связано, на наш взгляд, с тем, что большинство занятых, особенно в периферийных и зависимых экономиках, объективно НЕ нужны для развития цивилизации. Их ставшие архаичными трудовые функции легко могут быть заменены и автоматизированы уже на нынешнем уровне развития технологий, а завтрашние перспективы

для развитых стран в этом направлении просто потрясают воображение. При этом зависимые общества в отсталых странах весьма бедны, следовательно, их население не представляет особого интереса для мировой экономики и в качестве потребителей. И «лишние люди» это если не понимают, то «чувствуют нутром», отчаянно цепляясь за статус-кво и призрак «стабильности». Естественно, что такое упорство еще больше консервирует отсталость отставших стран, лишает их перспектив, но, как ни парадоксально, до поры до времени укрепляет положение их «элит», которые не смогли решить задачи модернизации. Теперь им и поддерживающим их массам остается только «консерватизм», пропаганда собственного «величия» и демагогия «стабильности», субъективно защищающая от травмирующего столкновения с объективными раскладами в мировой экономической гонке.

Естественно, правители в такой ситуации также форсируют бюрократизацию всех сторон жизни, чтобы значительно увеличить численность чиновников, потратить как можно больше «рабочего времени» на исполнение ненужных бюрократических придумок – занять людей хоть чем-нибудь! Но за эти занятия люди получают под видом «заработной платы» некое мизерное содержание, опасаясь, что в противном случае не будет и этого. Так что и авторитарные «верхи», и «низы», так любящие «старые песни о главном», едины в своем «контрреволюционном» настрое – ни те, ни другие решительно не желают ничего менять, а тем более рисковать в ситуации революционной непредсказуемости. Консервации такого положения способствует и интенсивное увеличение «силовиков» как в государственном, так и в (квази)частном секторе, что маскирует стремление дать миллионам мужчин хоть какую-то «важную работу», и это еще больше усиливает нагрузку на слабую экономику, ведь люди в униформе ничего не производят. Излишне говорить, что даже при необходимости электронная охранная система при входе в офисное здание гораздо надежнее «занятого делом мордovorота», сутками изнывающего от такой «работы / безделья». Но такая искусственная «занятость» для волонтаристическим способом увеличившейся бюрократии (которая работает уже на себя, а не на какие-то полезные обществу функции) весьма выгодна, так как ей добавляются миллионы союзников, обладающих значительным ресурсом принуждения².

2. Не доверяя официальным данным, любопытные блогеры еще в начале десятилетия выяснили, что общая численность силовиков в России составляет 4,6–4,65 млн человек. Много это или мало? Общая численность трудоспособного населения России составляет 87 млн человек, из них около 42 млн – мужчины. За вычетом инвалидов, лиц, находящихся в местах заключения, – около 38 млн человек. Таким образом, силовиков в стране – около 12%, или каждый восьмой мужчина [24a]. С тех пор ситуация с «силовым паразитизмом» еще более ухудшилась, как и попытки бюрократически контролировать всё и вся.

Но такая система «неозастоя» работает до тех пор, пока есть источник насыщения всей этой оравы ненасытных паразитов (как правило, в виде сырьевой ренты), но чем это форсирование квазизанятости, направленной против интересов общества, обернется при истощении государственных доходов – это вопрос социологически очень интересный.

Естественно, что в такой системе «рационализаторам и новаторам» (революционерам и нонконформистам) места нет, их выживают и давят; «верхи и низы» едины в стремлении к проведению своего рода «геноцида интеллектуалов», который, к счастью, осуществляется пока не физически, а в форме реализации опции «выход» Хиршмана [31], чаще всего как эмиграция. Но «консерватизм» по мере исчерпания ресурсов для экономически неоправданного перераспределения вполне может смениться «фундаментализмом». Ситуация, таким образом, кардинально отличается от положения в начале прошлого века, когда страна стремительно развивалась, люди мечтали о «светлом будущем» и массово бросались «в революцию», которая, впрочем, так и не дала им того, что они ожидали.

Однако возвратимся к нарастающему как снежный ком кризису занятости. Вопрос этот стоит во всем мире и начинает осознаваться уже и как глобальное противоречие, и как проблема, стоящая перед отдельными странами, даже самыми развитыми. Степень осознания этой проблемы, к сожалению, пока явно недостаточна.

Между тем история сегодня делает новый поворот – похоже, на самом деле наступает эпоха «роботов». Да, пока «идея о том, что однажды технологии могут привести к фундаментальной перестройке рынка труда и в конечном счете заставить нас полностью пересмотреть принципы работы нашей экономической системы и условия *общественного договора* (курсив мой. – В. К.), либо полностью игнорируется обществом, либо остается на самой периферии внимания» [28, с. 91].

Однако бесспорно, что производительность, благодаря новым технологиям, растет гораздо быстрее зарплаты (которая реально вообще не растет у большинства!). Это возвращает общество к «пропорции Парето» – 20% на 80%, (или даже к соотношению: «15% и остальные») и, конечно, увеличивает социальное напряжение (вплоть до «революционной» ситуации).

Этот сверхактуальный тренд нельзя упускать из поля внимания уже сейчас. Я обращался к политическим последствиям этих по-настоящему революционных изменений [13, с. 76–87]. Социологи предупреждают: «Сегодня машины приходят на смену людям и в сфере обслуживания, подобно тому, как раньше это было с обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством, создавая возможность мира, где для поддержания текущего или будущего уровня производства *большая часть людских ресурсов уже будет не нужна*» [19, с. 18–19, курсив мой. – В. К.].

Погрязнув в гаданиях о цене нефти, у нас практически не обращают внимания на тот рывок, который произошел в технологиях в последние годы, и как это влияет на экономическое развитие. Трехмерные принтеры, беспилотные автомобили и летательные аппараты, широкое применение роботов в промышленности и сельском хозяйстве, внедрение информационных технологий во все новых областях – это ведет к резкой поляризации, ведь «среднего более не дано» [18]. Поляризация касается как отдельных людей, так и целых стран.

Во-первых, неразвитые и недифференцированные экономики окончательно утратят конкурентоспособность с развитыми странами, когда те в силу резкого рывка в технологиях еще больше увеличат свою производительность и эффективность. Во-вторых, у стран периферии и бывшей полупериферии нет и не будет ресурсов для сглаживания последствий научно-технологической революции, которые распространятся в глобальном масштабе. (Особую тревогу вызывает в связи с этим также экологическая проблематика, но в данной работе она вынесена за скобки.) Развитие информационных технологий также вполне возможно приведет к появлению нового тоталитаризма, когда с помощью суперкомпьютеров и всепроникающих систем контроля и принуждения общественная жизнь будет организована по принципу муравейника или «глобального человеиника» (Александр Зиновьев).

Технологии ведут к резкой поляризации общества. Здесь нет никакой фантастики. Речь не идет о запредельных возможностях типа достижения бессмертия, всеобщего изобилия или появления искусственного разума, который превзойдет человека. Как замечает М. Форд: «Компьютеру вовсе не нужно воспроизводить весь спектр ваших интеллектуальных способностей, чтобы лишить вас работы; ему достаточно уметь делать те конкретные вещи, за которые вам платят деньги» [28, с. 306]. Очевидно, что уже в недалеком будущем работать и «думать» будут в основном роботы и компьютеры. Люди тоже будут нужны, но только с развитыми способностями к мышлению и воображению. Те же, у кого «ни ума, ни фантазии», будут обречены убивать время своей жизни на виртуальные игры, тратить его на просмотр дебильных шоу и сериалов, наподобие тех, что демонстрируются по российским телеканалам. Вопрос: кто и за что будет им платить?!

Огромные возможности по вытеснению хомо сапиенсов из сферы труда (большинство работ – это рутинная, вполне поддающаяся компьютеризации и роботизации) будут также иметь социально-политические последствия, и среди них возможны новые революции.

Массовая безработица, бедность, схлопывание целых отраслей могут спровоцировать кризис ничуть не хуже, чем участие в военном конфликте. Люди, массово теряющие работу и перемещающиеся из среднего класса в ряды бедняков, могут активно с этим не согласиться. Сегодня, конечно,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

знать, как это будет, невозможно, конфигурации могут быть различны (некоторые аналогии можно увидеть в истории перехода к промышленному капитализму) [21], но возможности революций кажутся вполне логичными. Рискую впасть в преувеличение, все же продолжим утверждать, что мало какая проблема может сравниться по актуальности с возникновением ситуации, когда в условиях развития экономики и новых технологий миллиарды людей на планете оказываются объективно лишними. Сегодня это уже является основой для многих кризисных экономических процессов (безработица) и войн (пока локальных, но со стремительным расширением ареала) и может привести к новым революционным сдвигам, поистине тектонического характера.

Еще по итогам кризиса 2008 г. Р. Коллинз серьезно обеспокоился проблемой тупиков и выходов из нынешних демографических и социально-технологических противоречий и пришел к выводу о возможности грядущей революции [17, с. 35–50].

В принципе сегодня нельзя исключить, что будут снова опробованы эксперименты с социализмом и социалистической революцией. Некоторые ведущие ученые всерьез рассматривают такую возможность [4].

Переломный характер современной эпохи порождает впрочем и другие возможности.

Подлинные великие революции затрагивают не только политику, они меняют основы жизни земной цивилизации. В истории уже совершились три таких революции: аграрная, промышленная и информационная, сейчас на подходе четвертая. Эрик Дрекслер, предсказавший нанотехнологии, один из самых революционных умов нашей эпохи, пишет по этому поводу в связи с совершенствованием атомарно-точного производства (АТП), материальных продуктов: «Аграрная революция неолитической эпохи знаменовала собой переход к образу жизни, основывающемуся на относительно высокой плотности оседло живущего населения, способного получать продукты питания, что открывало путь к развитию цивилизации. Промышленная революция привела к возникновению огромной волны новых для всего мира материальных продуктов. Продолжающаяся в наши дни Информационная революция соткала новую ткань бытия, состоящую из знаний, коммерции и общества, подготовила почву для формирования будущего, которое пока находится вне пределов нашего понимания. Результатом приближающихся АТП-преобразований будет появление движущей силы четвертой революции, которая, как и все предшествующие, приведет к трансформации повседневной жизни труда и структуры общества на всей Земле» [8, с. 75].

Грядут и уже видны преобразования, изменяющие производственно-материальные и культурно-информационные основы нашей цивилизации. Однако о социально-политических аспектах этих преобразований также нельзя забывать. Сможет ли утопия «всеобщего изобилия» сохранить средний

класс и достигнутый уровень благосостояния хотя бы более или менее на близком к сегодняшнему уровню, или же, наоборот, впереди новая непреодолимая поляризация между людьми. Сохранение технологической отсталости в целях защиты занятости, скорее всего, окажется деморализующим и политически безжизненным жестом [16, с. 44].

Страна со слабой и не суверенной экономикой и политикой не сможет контролировать демографические процессы на своей территории и проводить более-менее эффективную социальную политику. У богатых и развитых государств, с укоренившимися институтами демократии, даже в случае резкого изменения экономической структуры и системы социальной стратификации (размывания среднего класса в силу роста безработицы из-за широкого внедрения роботов и компьютеров), все же останутся возможности для поддержания новых бедных. Например, это выплата им минимальных пособий или перераспределение доходов от высокотехнологичных отраслей в имитацию занятости как форму досуга. Теоретически, к примеру, могут быть продолжены опыты с введением безусловно базового дохода (ББД). Швейцарский референдум по этому поводу провалился, но продолжают эксперимент финны. Судя по всему, идея введения ББД – это хороший выход в условиях, когда рынку работа большинства все равно не нужна, а потребительский спрос, считает М. Форд, надо поддерживать [28, с. 242–347]. При этом М. Форд ссылается на Ф. фон Хайека, который полагал такую меру совместимой с рыночной экономикой [29, с. 378]. Фактическим препятствием для введения ББД могут стать не предубеждения против него, а неконтролируемые миграционные потоки, если от них не защититься. Пока же не видно удовлетворительного решения, как справиться с новым «великим переселением народов».

Всё это проблемы «первого мира», а бедные страны, лишившиеся, например, доходов от сырьевого экспорта и не имеющие ни технологий, ни людей, способных их создавать и внедрять (последствия «ухода» интеллектуалов и квалифицированных специалистов «по Хиршману»), не обладающие ни развитыми политическими институтами и структурами гражданского общества, ни механизмами формирования ответственного правительства – обречены рухнуть в пропасть нищеты и деградации. И не так уж важно, будет ли это происходить в виде медленного, тихого, но достаточно быстрого, угасания или же будет сопровождаться акциями отчаяния, войнами, бунтами и даже подобием революций.

Революционное движение умов, технологий и социальных изменений – бесконечно до тех пор, пока существует человеческая цивилизация. Увы, отдельным частям этой цивилизации (странам и народам) рано или поздно приходит конец.

Библиография

1. Буддаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 18–52.
2. Буддаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, Институт российской истории РАН, 2010. 1092 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.
4. Валлерстайн И. и др. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
5. Вебер М. Переход России к псевдодемократии (1917 г.). Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/12/02/veber/>
6. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
7. Деягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005. 416 с.
8. Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию / Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.
9. Ковалёв В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2009. № 2. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/571/30/>
10. Ковалёв В.А. Рецензия на книгу: Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2009. № 3. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/612/30/>
11. Ковалёв В.А. Нормальный русский национализм. (К вопросу об идеологии демократического государства в России) // Россия и современный мир. М., 2011. № 3. С. 27–45.
12. Ковалёв В.А. Опыты российской политики. Перспективы и тупики постсоветского периода: Политологические очерки. Сыктывкар, СыктГУ, 2015. 226 с.
13. Ковалёв В.А. «Лишние» люди – новые «расколы»: Основа конфликтов в современном мире // Россия и современный мир. М., 2016. № 3. С. 76–87.
14. Ковалёв В.А. Есть у революции начало? (Статья 1-я) // Россия и современный мир. М., 2017. № 1. С. 21–34.
15. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: Случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
16. Коллинз Р. Макростория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
17. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 35–50.
18. Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи великой стагнации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
19. Лахман Э. Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.Н. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 240 с.
20. Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
21. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2016. 780 с.

22. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5. С. 92–104.
23. Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 53–96.
24. Россия регионов: Трансформация политических режимов / Общ. ред.: В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
- 24а. Сколько в России силовиков // Толкователь. Толкучка мыслей, фактов и суждений. 2011. 9 июля. URL: <http://tolk.ru/2011/07/09/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/> (Дата обращения: 14.12.2016.)
25. Соловей В. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 250 с.
26. Соловей В., Соловей Т. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440 с.
27. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений.)
28. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы / Пер. с англ. С. Чернина. М.: Альпина non-fikshn, 2016. 430 с.
29. Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2006. 648 с.
30. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
31. Хиришман А.О. Выход, голос и верность. Как люди могут реагировать на то, что им не нравится, и почему это важно для экономистов. М.: Новое издательство. 156 с.
32. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

References

- Buldakov V.P. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: K kul'turno-antropologicheskomu pereosmysleniju // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 18–52.
- Buldakov V.P. Haos i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vznikenovenija, hronika, komentarij, analiz. Moscow: Novyj hronograf, Institut rossijskoj istorii RAN, 2010. 1092 p.
- Deljagin M. Rossija posle Putina. Neizbezhna li v Rossii «oranzhevo-zelenaja» revoljucija? Moscow: Veche, 2005. 416 p.
- Dreksler Je. Vseobshhee blagodenstvie. Kak nanotehnologicheskaja revoljucija izmenit civilizaciju / Per. s angl. Ju. Kapturevskogo. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2014. 504 p.
- Ford M. Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty / Per. s angl. S. Chernina. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2016. 430 p.
- Goldstoun D. Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie / Per. s angl. A. Jakovleva. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 p.
- Hajek F. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Moscow: IRISJeN, Mysl', 2006. 648 p.
- Hantington S. Tret'ja volna. Demokratija v konce XX veka / Per. s angl. L.Ju. Pantinnoj. M.: ROSSPJeN, 2003. 368 p.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Hirshman A.O. Vyhod, golos i vernost'. Kak ljudi mogut reagirovat' na to, chto im ne nravitsja, i pochemu jeto vazhno dlja jekonomistov. M.: Novoe izdatel'stvo. 156 p.
- Kollinz R. Makroistorija: Ocherki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. Per. s angl. / Poslesl. H.S. Rozova. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.
- Kollinz R. Predskazanja v makrosociologii: Sluchaj sovet'skogo kollapsa // Vremja mira. Al'manah. Vyp. 1. Novosibirsk, 2000. P. 234–278.
- Kollinz R. Tehnologicheskoe zameshhenie i krizisy kapitalizma: Vyhody i tupiki // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2010. N 1. P. 35–50.
- Koujen T. Srednego bolee ne dano. Kak vyjti iz jepohi velikoj stagnacii. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 320 p.
- Koval'ov V.A. «Lishnie» ljudi – novye «raskoly»: Osnova konfliktov v sovremennom mire // Rossiya i sovremennyy mir. Moscow, 2016. N 3. P. 76–87.
- Koval'ov V.A. Est' u revoljucii nachalo? (Stat'ja 1) // Rossiya i sovremennyy mir. Moscow, 2017. N 1. P. 21–34.
- Koval'ov V.A. Normal'nyj russkij nacionalizm. (K voprosu ob ideologii demokraticeskogo gosudarstva v Rossii) // Rossiya i sovremennyy mir. Moscow, 2011. N 3. P. 27–45.
- Koval'ov V.A. Opyt rossijskoj politiki. Perspektivy i tupiki postsovet'skogo perioda: Politologicheskie ocherki. Syktyvkar, SyktGU, 2015. 226 p.
- Koval'ov V.A. Recenzija na knigu: Solovej T.D., Solovej V.D. Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizma // Politicheskaja jekspertiza: POLITJekS. Saint-Petersburg, 2009. N 3. Rezhim dostupa: <http://www.politex.info/content/view/612/30/>
- Koval'ov V.A. Teorija revoljucii P.A. Sorokina i rossijskij politicheskij process // Politicheskaja jekspertiza: POLITJekS. Saint-Petersburg, 2009. N 2. Rezhim dostupa: <http://www.politex.info/content/view/571/30/>
- Lahman Je. Chto takoe istoricheskaja sociologija? / Per. s angl. M.N. Dondukovskogo; pod nauch. red. A.A. Smirnova. Moscow: ID «Delo» RANHiGS, 2016. 240 p.
- Malia M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira. M.: ROSSPJeN, 2015. 405 p.
- Mur-mladshij B. Social'nye istoki diktatury i demokratii. Rol' pomes'hika i krest'janina v sozdanii sovremennogo mira. M.: ID GU–VShJe, 2016. 780 p.
- Nikiforov A.A. Revoljucija kak ob'ekt teoreticheskogo osmyslenija: Dostizhenija i dilemmy subdiscipliny // Polis. 2007. N 5. P. 92–104.
- Pivovarov Ju.S. O «sovetskom» i putjah ego preodolenija // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 53–96.
- Rossija regionov: Transformacija politicheskikh rezhimov / Obshh. red.: V. Gel'man, S. Ryzhenkov, M. Bri. Moscow: Ves' mir, 2000. 376 p.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.
- Skol'ko v Rossii silovikov // Tolkovatel'. Tolkuchka myslej, faktov i suzhenij. 2011. 9 ijulja // URL: <http://ttolk.ru/2011/07/09/%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/> (Data obrashhenija: 14.12.2016.)
- Solovej V. Revoljucija! Osnovy revoljucionnoj bor'by v sovremennuju jepohu. Moscow: Jeksmo, 2016. 250 p.
- Solovej V., Solovej T. Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizma. Moscow: Feorija, 2009. 440 p.

Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: ООО «Anbur», 2015. 848 p. (Pitirim Sorokin. Sobranie sochinenij.)

Vallerstajin I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire / Per. s angl. P.M. Kudjukina; pod red. B.Ju. Kagarlickogo. Saint-Petersburg: Universitetskaja kniga, 2001. 415 p.

Vallerstajin I. i dr. Est' li budushhee u kapitalizma? Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 320 p.

Veber M. Perehod Rossii k psevdodemokratii (1917 g.). Rezhim dostupa: <http://polit.ru/article/2005/12/02/veber/>